

НЕДОБРЫЙ ГЛАЗЪ.

МАЛОРОССІЙСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

I.

Ой, хорошія дочки у Козака Никипы, да и Козакъ Никиша человекъ нескудный: на четырнадцать паряхъ воловъ чумаковъ опправляешь, шо на Донъ по рыбу, шо въ Крымъ за солью; а все волы большіе, крупорогіе, широкочелые, съ опшиянуыми пахами, съ сѣдлованымъ хребтомъ, съ навислою, волосастою грудвиной. А на выгонъ у Козака Никипы пасется косякъ коней, что ни самыхъ лихихъ, что ни самыхъ борзыхъ. А дома у Козака Никипы добра столько, что не переписатьъ въ недѣлю и бойкому скорописцу. Еще же, говорящъ люди, что у Козака Никипы есть завѣтная скринька съ дукашами, да серебра столько, что четверикомъ не загребешь.

II.

Ой, хорошія дочки у Козака Никипы: и Галя чернобровая, и Докійка румяная, и Нашалка бѣлолицая. Отецъ и маишь научили ихъ страху Божию. Любо смотрѣшь, какъ онѣ, въ лѣшніе праздники и дни воскресные, идущъ къ обѣднѣ чинно и смиренно, въ бѣлыхъ понкахъ куншошахъ съ спроченными усами, въ сафьянныхъ чоботахъ съ подковками, въ разноцвѣтныхъ скиндячкахъ, размешанныхъ по плечамъ, и съ цвѣтами махроваго маку, чернобривцами и барвенками въ волосахъ. Всѣ парубки шогда на нихъ заглядываюися и швердяшъ, почесывая за ухомъ: «Ой, шяжко хорошія дочки, и вельми богашый баишько!»

III.

Сидишъ Козакъ Никиша на прилавкѣ за ворошами, куришъ Роменскій шабакъ изъ кореньковой шрубки въ мѣдной оправѣ и посмаприваешъ на свѣшъ Божій. Вонъ видишъ онъ: за селомъ по дорогѣ пыль вѣшся клубомъ, скачешъ ѣздокъ, сломя голову; вонъ внесся въ село, ближе и ближе; подъ нимъ конь какъ звѣрь, черенъ какъ вороново крыло, изъ ноздрей дымъ валишъ какъ изъ винокурни. Вонъ поравнялся ѣздокъ съ Козакомъ Никишой, напашнулъ повода — и конь уперся ногами въ землю,

согнулъ шею кольцомъ, уключилъ голову, заржалъ и засверкалъ бѣлыми своими глазами, такъ, что Козаку Никипѣ почудилось, будто искры полетѣли во всѣ стороны.

IV.

— «Здорово, добрый человѣкъ!» сказала проѣзжій. — «Богъ помочь!» отвѣчала Козакъ Никипа, вынувъ трубку изъ рта и приподнявъ шапку. «Куда Богъ несетъ?» — Козаку Никипѣ показалось, что проѣзжій дважды моргнулъ усами, а конь его дважды фыркнулъ. — «Бѣду я далеко, далеко: опсюда глазомъ не смѣряешь и не одни *постолы* изобъешь, пока пѣшкомъ дойдешь. Да не въ шомъ дѣло, а вошъ въ чемъ: гдѣ бы мнѣ ночлегъ найши?» — «Милосни просимъ! рады добрымъ людямъ. Богъ про всякаго посылаетъ человѣку хлѣбъ насущный.» — Проѣзжій молча сошелъ съ коня, повелъ его за поводъ, привязалъ къ столбу подъ навѣсомъ и вошелъ въ хашу съ Козакомъ Никипой.

V.

Не притожъ былъ эшопъ проѣзжій: лице блѣдное, ни кровинки, носъ полстый, луковичей, губы впянуныя; по обѣ стороны лица шорчали клоками скомпенные, рыжіе усы;

такія жъ рыжія брови густо нависли внизъ какъ щепина, и заслоняли глаза такъ, что ихъ во все не было видно; красно-рыжій оселедецъ какъ полоса запекшейся крови пролегалъ по виску и вился за ухомъ. Еще скажу: не пригожъ былъ проѣзжій! — Онъ съ виду былъ не спаръ и не молодъ; какая-то кислая ужимка вмѣсто усмѣшки и глухой голосъ, вырывавшійся изъ горпани, какъ изъ могилы, не сулили въ немъ ничего добраго. На немъ былъ жупанъ шонкаго сукна; за Персидскимъ кушакомъ зашкнупъ былъ Турецкій ножъ съ серебряною рукояткой, на кошорой какъ жаръ горѣли дорогіе каменья. Не помолясь Богу, какъ водилось у Православныхъ, и чуюсь головою кивнувъ хозяйкѣ и дочкамъ, сѣлъ онъ безъ чиновъ за столъ и заломался, словно въ шинкѣ.

VI.

— «Какъ вижу, вы изъ Запорожцевъ, добродію?» спросилъ его Козакъ Никипа. — «Моженъ спашься,» былъ ему отвѣтъ. — «И давно уже гарцуете съ молодцами?» — «Да не со вчерашняго дня.» — «А какъ васъ величаютъ?» — «Лавро Хоробитъ.» — «Что подумаешь: куда вы много положили бусурманскихъ головъ на своемъ вѣку!» — «Было всякихъ; пусть ихъ лежатъ.» — «А далеко

вы часомъ хаживали на войну?» — «Да; изъ
вашего села галки шуда не залепали.» — «И
много, чай, шудовъ понесли?» — «На доб-
рой парѣ воловъ всѣхъ не свезешь.» —
«Чшо-шо, какъ поразскажунъ бывалые чу-
маки, за приволье въ бусурманскихъ земляхъ!
чшо за мѣсна богатыя! чего шамъ не ро-
дился!» — «Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣшь.» —
«А какое злое племя Турки да Татаре!» —
«Есть и Христіане не лучше ихъ.» — Ко-
закъ Никиша смекнулъ, чшо госпъ не под-
дается на разспросы и чшо онъ него пуш-
наго слова не добъешься; онъ взглянулъ изъ
подлбья на проѣзжаго и замолчалъ.

VII.

За ужиномъ, проѣзжій госпъ зарился сквозь
навислыя свои брови на пригожихъ дочекъ
Козака Никишы, какъ шука зарился сквозь
проспникъ на маленькихъ рѣзвыхъ рыбокъ;
но красавицы не слышали онъ него ни од-
ного привѣща, ни одного слова. Угрюмо си-
дѣлъ онъ и шолько пыхпья попыгивалъ за-
пеканку и шерновку Козака Никишы. Когда
же взглядывалъ порою на кошорую нибудь
изъ дѣвушекъ, ша невольно опускала глаза
внизъ, не онъ спыда, а онъ спрахъ: кра-
савиць пугали эти взгляды невидимаго глаза,
чунъ чунъ свѣнчившагося изъ-за гуспыхъ,

рыжихъ бровей. Госпъ вспалъ изъ-за спола, какъ и сѣлъ за него: не помолясь Богу, не сказавъ добраго слова хозяевамъ. Чпо за челоуѣкъ былъ онъ? Всѣ думали, гадали, и никпо не могъ дознаться.

VIII.

Всю ночь была подъ окномъ собака, и душно и жудко было красавицамъ. Онѣ не могли спать, поминутно ворочались въ постелѣ, и если на мигъ забывались, то спрашныя грезы пошчасъ перерывали ихъ сонъ. То слышалось имъ похоронное пѣніе и звонъ по покойникъ; то незнакомый госпъ сморѣлъ на нихъ такими глазами, такими глазами, чпо холодъ сжималъ имъ грудь, захватывалъ дыханіе и оковывалъ льдомъ всѣ ихъ соспавы. Красавицы мешались, спенали сквозь тяжкій сонъ, пробуждались въ спрахѣ и по упру вспали съ тяжелыми головами и смущеннымъ духомъ.

IX.

— «Слушай, Козакъ Никиша, сказалъ Хоробишъ своему хозяину поупру за снѣданьемъ: «ондай за меня свою дочку Галю чернобровую.» — «Моя дочка Галя уже просватана: женихъ изъ хорошаго рода и челоуѣкъ

досташочный ; а кто безъ причины жениху
отъ зарученой невѣсмы откажешь , того
Богъ накажешь.» — «Такъ опдай за меня
Докійку румяную.» — «У моей дочки Докійки
по же естъ женихи на славу. Богъ помо-
жешь , одну подъ вѣнецъ оппустимъ , а за
другую ручки подадимъ.» — «Ну , хопъ
Нашалку бѣлолицую.» — «Моя дочка Нашалка
дишя молодое, ничего еще не знаешь. Гдѣ жъ
ее опдай въ такую дальнюю спорону?» —
«Опказалъ ты мнѣ , Козакъ Никиппа , накор-
милъ ты меня *петеньмиъ гарбузомиъ* ; смопри
же , чпобы послѣ не каешься.» — «Чпо бу-
дешь , по будешь ; а будешь по , чпо Богъ
велишь!» отвѣчалъ Козакъ Никиппа.

Х.

Ни слова не сказалъ больше Лавро Хоро-
бищъ и пошелъ сѣдлашь своего вороного ,
копорый ржалъ и сарпалъ и билъ копышами
землю. Тогда вошли въ хату при дочки Ко-
зака Никиппы. Онѣ вышли изъ своей свѣпли-
цы , думая , чпо проѣзжій госпъ уже уска-
калъ и больше не ворошился. А вопъ и онъ ,
какъ съ дуба сорвался , идешь гордо и осан-
ливо , побрякивал серебромъ и золомомъ. —
«Вопъ шебѣ , хозяинъ , за ночлегъ и за ла-
ску,» молвилъ онъ , опустя руку въ кишеню
и вынувъ полную горсть серебряныхъ де-

негъ. — «У насъ не постоялый дворъ и не шинокъ,» опивчалъ Козакъ Никиша съ досадою: «проѣзжихъ угощаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, а денегъ за хлѣбъ-соль ни съ кого не беремъ.» — «Такъ позволъ же мнѣ подарить ливохъ дочекъ на память!» сказала Хоробитъ, и запустила снова руку въ кошею, выпощилъ горсть золотыхъ вещей. У дѣвушекъ глаза разбѣжались на перспини, на серьги, на дорогія монеты и запонки. Какихъ штукъ не было и вѣдомъ, и цѣшомъ, и цѣною! Однѣ какъ жаръ горѣли, другія свѣпились, какъ ночью глаза у кошки, на иныхъ сверкали радуги, ярче шой, чпо спускаешся съ неба на землю и пьешъ воду изъ ручьевъ и колодязей. Дѣвушки по любовались дорогими вещами, по переглядывались другъ съ другомъ, по изкоса посмащивали на опца: куда дѣвался и спрахъ онъ проѣзжаго! — «Берипе, коли добрый человекъ даешъ на память,» сказалъ имъ опецъ: «эпо даръ, а не плаша.»

XI.

— «Начинай ты, Галя чернобровая!» сказала Лавро Хоробитъ: «подойди и выбери, что шебъ приглянешся.» — Галя подошла, прощанула руку къ сполу, взглянула на Хоробитша — и вскрикнувъ, опскочила прочь,

словно на змѣю наспушила. — «Экая спыдли-
вая!» молвилъ смѣясь проѣзжій: «ну, бышь
пакъ; коли ты не хочешь, пущь выбираешь
себѣ Докійка румяная.» — Докійка подспуни-
ла поближе, посмошрѣла на подарки и на го-
спя — и пакже вскрикнула, и пакже оп-
сочила не вспомнясь. — «Вошъ пакъ! куда
одна, шуда и другая,» сказалъ Хоробишъ съ
пѣмъ же смѣхомъ. «Твоя очередь, Нашалка
бѣлолицая!» — И Нашалка робко подвинулась
впередъ, невольно посмошрѣла на проѣзжаго —
вскрикнула и чущь не упала. Ей показалось,
чно рыжія брови Хоробиша дыбомъ поднялись
вверхъ, какъ иглы на ежѣ, а изъ блѣдно-сѣ-
рыхъ глазъ его спруею полились на нее двѣ
шонкія ниши свѣша, оспраго, жгущаго, мер-
швящаго. Опъ него и дрожь пробѣгала по
пѣлу, и страхъ зароялся въ душу, и шоска
впивалася въ сердце. Таковъ-то не добрый
глазь: на зеленый лѣсъ взглянешъ — и зеле-
ный лѣсъ вянешъ!

ХІІ.

— «Ну, спасибо за вашу хлѣбъ-соль: буду
ее помнишь, да и вы меня не забудете, хоть
дочки ваши поспѣсивились и не взяли моихъ
подарковъ,» сказалъ Хоробишъ, поглядѣвъ
на дѣвушекъ такимъ взглядомъ, какимъ де-
монъ смолришъ на душу человѣческую. А

онъ, бѣдненькія, сполли сложа руки креспомъ и дрожали всѣмъ тѣломъ. — «Прощайше,» примолвилъ онъ: «не поминайше лихомъ!» и засмѣлся шакъ, что у всѣхъ на душѣ похолодѣло. Тушъ разомъ за дверь, скокъ на своего лихаго коня — и слѣдъ проспылъ.

ХІІІ.

— «Неня! мнѣ шажко, мнѣ нудно!» говорила Галя чернобровая. — «Неня! меня морозъ подираешъ по кожѣ; руки и ноги — все какъ во льду, а внушри горишъ,» говорила Докійка руминая: ахъ! она ужъ была бѣднѣе полошна. — «Неня! у меня голова пирещипъ опъ боли, и свѣшъ идешъ кругомъ, и все въ глазахъ шемнѣ да шемнѣ,» говорила Напалка бѣлолицая. — «Спаси, спаси насъ, неня!» швердили всѣ шрое, «спаси насъ опъ лихаго человѣка! Призови знахаря: пусшъ опшворожитъ силу недобраго глаза!» — Напрасно! ни знахарь, нишпо не помогъ: чѣмъ дальше скакалъ Хоробишъ, тѣмъ шажеле шановилось красавицамъ. Съ закапомъ солнца, закапился и у нихъ свѣшъ въ ясныхъ очахъ.... Ночью набожныя шарушки собрались сидѣшъ при восковыхъ свѣчахъ у широкаго спола, на кошоромъ лежали подъ бѣлою пеленою шри покойницы; дѣлтокъ заунывно

чишалъ надъ ними псалмирь. Опецъ и маишь сами чупъ дышали съ шоски и гореспи.

XIV.

Стоишь среди кладбища за селомъ большая часовня; на часовнѣ при креста; подъ часовней высокая и широкая могила. Въ шой могилѣ похоронены при дочки Козака Никишы. Люди добрые, идучи мимо, крестяшся и моляшся: «Пошли, Господи, вѣчный покой и вѣчную память покойникамъ!» Послѣ каждый, волей и неволей, приговариваешъ: «И пущь не будетъ добра, ни на семь свѣтѣ, ни въ будущемъ, злomu челоѣку, кошорый змѣинымъ своимъ глазомъ изсушилъ и извелъ при прекрасные цѣпка свѣжіе и пышные!»

Порфирій Байскій.

